

Всё произошло внезапно. Когда Цзин Шо услышал звук падения и обернулся, Дуань Юньшэнь уже лежал на полу, сжавшись в комок, крепко прижимая руку к груди, словно невыносимая боль терзала его изнутри. Из его рта вырывались невнятные стоны...

— Яд... яд... спасите меня...

Цзин Шо замер, видя перед собой совершенно неожиданную картину.

Дуань Юньшэнь дрожал, пытаясь подняться, и протянул руку, умоляя о помощи:

— Спасите... спасите... о...

Цзин Шо словно очнулся, резко схватив протянутую руку, и тут же крикнул за дверь:

— Сюда! Сюда, позовите врача!

Дуань Юньшэнь, увидев реакцию Цзин Шо, затих, словно лишился голоса.

[Цзин Шо: ?]

Маленький евнух за дверью в панике распахнул её:

— Ваше Величество, вам плохо?

Дуань Юньшэнь лежал на полу, скрытый столом из красного сандала, и евнух, не смея поднять голову, естественно, не заметил его.

Дуань Юньшэнь лежал неподвижно, притворяясь мёртвым, едва осмеливаясь дышать, только его глаза продолжали моргать.

Его рука всё ещё находилась в руке Цзин Шо.

[Цзин Шо: ...]

Евнух ждал указаний тирана, слыша полную тишину в комнате, и сердце его сжалось от страха. Он осторожно поднял голову, пытаясь украдкой взглянуть на лицо императора.

Цзин Шо:

— Ничего, уходи.

Евнух резко опустил голову:

— Тогда врача вызывать?

Цзин Шо:

— Не нужно.

Евнух, совершенно сбитый с толку, вошёл и так же сбитый с толку вышел.

Дуань Юньшэнь лежал на полу, его круглые лапки всё ещё находились в руке Цзин Шо.

Цзин Шо усмехнулся и резко отбросил руку Дуань Юньшэня.

На руке Дуань Юньшэня была рана, и от такого резкого движения он вскрикнул от боли.

Цзин Шо не проявил ни капли жалости, и ничто не напоминало о его предыдущей панике. Дуань Юньшэнь сел на пол и начал дуть на свою круглую лапку.

Закончив, он заметил, что тиран всё ещё переписывает священный текст, и в душе Дуань Юньшэня стало тепло.

Этот тиран, похоже, не так уж и невыносим.

Уже давно Дуань Юньшэнь заметил, что с тех пор, как он своей рукой защитил его от убийцы, тиран стал к нему более снисходительным.

Сегодняшний случай только подтвердил это.

— На полу золото? — не оборачиваясь, сказал Цзин Шо. — Любимая наложница, ты так и не хочешь встать?

Дуань Юньшэнь поднялся с пола и своей круглой лапкой отряхнул пыль с одежды:

— Еда не отравлена, я не стану вредить Вашему Величеству.

Цзин Шо не прерывал письма:

— Уже поздно, если у любимой наложницы нет дел, можешь уходить.

По тону голоса Дуань Юньшэнь понял — он, что, обиделся?

Едва Цзин Шо закончил говорить, как из его живота раздался урчащий звук.

Цзин Шо однажды уже пострадал от еды, поэтому никогда не ел что попало.

Сегодня, после того как его наказали домашним арестом, он не увидел людей Сян Июэ за пределами дворца, контролирующих доставку еды, поэтому не притронулся к ужину.

То есть до сих пор он ничего не ел.

Теперь, когда перед ним стояла еда, принесённая Дуань Юньшэнем, и сам Дуань Юньшэнь веселил его, возможно, Цзин Шо расслабился, и его живот начал бунтовать, требуя еды.

Дуань Юньшэнь услышал урчание живота Цзин Шо и едва сдержал смех, полагаясь на свою «гордость и самообладание», чтобы контролировать выражение лица.

Дуань Юньшэнь:

— Правда не отравлено, попробуешь?

Цзин Шо, не меняя выражения лица:

— Я не голоден.

[Дуань Юньшэнь: ...]

Зачем так строго?

Дуань Юньшэнь с раздражением потер лоб, словно чувствуя, что этот тиран начинает его утомлять.

Хорошо относишься к нему — это что, ошибка?

Ладно, не хочешь есть — не ешь, голодать ведь не мне?

Дуань Юньшэнь подошёл и опустился на одно колено рядом с инвалидным креслом тирана:

— Кхм, на самом деле я сегодня пришёл ещё по одному делу...

Цзин Шо положил кисть, повернулся и поднял подбородок Дуань Юньшэня, затем наклонился и слегка коснулся его губ своими.

[Дуань Юньшэнь: ...]

Цзин Шо отодвинулся и снова взял кисть:

— Любимая наложница, можешь идти.

Сердце Дуань Юньшэня заколотилось, и он замер на месте.

В его зрачках ещё оставался отблеск мгновения, когда красавец-тиран приблизился к нему.

Это... это...

Красавец-тиран оставался невозмутимым, а Дуань Юньшэнь словно лишился души.

Это было убийство красотой!

Дуань Юньшэнь стоял на месте, долго не мог прийти в себя, молча сглотнув.

Первым делом, вернув себе способность двигаться, он похлопал себя по груди, чувствуя, как сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

Дуань Юньшэнь снова сглотнул, почти потеряв дар речи:

— Ты... я...

Он хотел спросить, откуда он знал, что он пришёл за поцелуем.

Но потом вспомнил, что однажды выдумал какую-то чушь о «волшебной технике колдовства вугу», которая заставляет его умирать, если он не поцелует его хотя бы раз в день.

Цзин Шо продолжал переписывать священный текст.

Дуань Юньшэнь смотрел на профиль Цзин Шо, полностью очарованный его красотой.

Дуань Юньшэнь утешал себя, что любой бы забился сердцем, если бы его поцеловал такой красавец.

Это мелочи, ничего страшного.

Ничего...

Нет...

О мамочки, меня только что поцеловал красавец! Он поднял мой подбородок и просто прижался ко мне!!

В этот момент Цзин Шо взглянул на него:

— Ты ещё не ушёл?

[Дуань Юньшэнь: ...]

Прости, мама, я успокоился.

Дуань Юньшэнь:

— Тогда я откланяюсь...

Цзин Шо:

— Подожди.

Дуань Юньшэнь тут же остановился.

Цзин Шо:

— Забери коробку с едой.

Дуань Юньшэнь:

— ... Правда не будешь есть?

Я же слышал, как твой живот урчал.

Цзин Шо взглянул на Дуань Юньшэня, собираясь что-то сказать, как вдруг услышал голоса за дверью.

По голосу это была Чжилань, служанка Великой вдовствующей императрицы. Голос маленького евнуха за дверью звучал особенно подобоострастно, он то и дело повторял «сестра Чжилань».

Дуань Юньшэнь и Цзин Шо переглянулись.

Чжилань уже громко просила аудиенции у императора, говоря, что принесла «лекарство», подаренное Великой вдовствующей императрицей.

Дуань Юньшэнь огляделся, надеясь найти место, где можно спрятаться.

Но Цзин Шо словно нарочно дразнил его, не давая времени, и просто сказал:

— Войдите.

Дуань Юньшэнь не понимал, что за причуда нашла на тирана, и в панике, не найдя другого выхода, просто нырнул под стол Цзин Шо.

Стол был покрыт жёлтой скатертью, край которой свисал до пола, что позволяло скрыться от

глаз.

Едва он спрятался, как дверь распахнулась.

Чжилань вежливо произнесла несколько формальных слов, вроде того, что Великая вдовствующая императрица беспокоится о здоровье императора.

Хотя Дуань Юньшэнь мог только слышать её голос, он чувствовал, что тон служанки был несколько неестественным, словно она пыталась скрыть нервозность.

Цзин Шо выслушал её и без эмоций сказал:

— Поставь на стол, я выпью позже.

Чжилань:

— Ваше Величество, лучше выпейте пока горячее, чтобы всё было в порядке, и я смогу доложить Великой вдовствующей императрице.

Дуань Юньшэнь, сидя под столом и уставившись на вышивку дракона на сапогах Цзин Шо, мысленно возмущался: «Подаёшь ему яд и называешь это „всё в порядке“. Какой тут порядок, неудивительно, что он боится есть то, что я приношу, наверняка у него уже психологическая травма».

Цзин Шо:

— Тогда подай сюда.

[Дуань Юньшэнь: ...]

Я тебе добро делаю, а ты не слушаешь, а когда тебя хотят отравить, такой послушный?

Странно, ты же знаешь, что это яд?

Чжилань подала лекарство, стоя рядом с Цзин Шо, опустив голову, и протянула ему чашу с отваром.

Цзин Шо взял чашу и собирался выпить.

Дуань Юньшэнь почувствовал, как внутри него всё сжалось, словно на сердце выступила сыпь, и ему стало невыносимо, словно он хотел почесать это место. Непроизвольно он нахмурился.

Как будто под действием какого-то неведомого импульса, Дуань Юньшэнь протянул свою круглую лапку и резко дёрнул колесо инвалидного кресла Цзин Шо.

Цзин Шо, держа чашу с лекарством, уже подносил её ко рту, как вдруг его кресло резко дёрнулось вперёд.

Дуань Юньшэнь не рассчитал силу, и от этого рывка Цзин Шо ударился грудью о стол. Подставка для кистей упала, а сами кисти рассыпались по полу.

Лекарство, естественно, пролилось, осталась только капля на дне чаши, а большая часть оказалась на одежде Цзин Шо.

Чжилань, столкнувшись с неожиданностью, тут же упала на колени:

— Ваше Величество, простите.

[Цзин Шо: ...]

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16211/1455498>